

КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу кризиса либеральной идеологии и основанного на ней миропорядка в XXI веке. Используя методологию синергетики, автор рассматривает либеральный порядок как сложную нелинейную систему, находящуюся в состоянии неустойчивости и движущуюся к точке бифуркации. Анализируются внешние (геополитические, идеологические) и внутренние (экономические, институциональные) причины деградации либерализма. Особое внимание уделяется краху неолиберальной экономической модели, неэффективности либеральных институтов и необходимости укрепления принципов многополярного мира. Обосновывается неизбежность трансформации современных политических режимов в сторону «нового авторитаризма» как адаптивного механизма сохранения государственного суверенитета. Для стран БРИКС и постсоветского пространства предлагается стратегия формирования суверенных альтернатив развития вне рамок западной гегемонии.

Ключевые слова: кризис либерализма, синергетика, новый авторитаризм, многополярность, государственный суверенитет, БРИКС.

Автор

Коноплев Богдан Михайлович

Студент юридического факультета
Белорусского государственного университета
(Минск, Беларусь)

Политическая реальность XXI века показала, что категории «временных трудностей» или «циклических спадов» больше не могут описать кризисы современного мироустройства. Фундаментальные проблемы либеральной идеологии, которая на протяжении последних двух столетий претендовала на статус универсальной политической и экономической системы, с каждым годом становится все труднее игнорировать. Фукуямовский «конец истории» и окончательная победа либеральной демократии, которые должны были наступить после распада Советского Союза, не оправдали прогнозов. Однако за этот период либерализм не только утратил свою историческую легитимность, но и превратился в фактор гло-

бальной нестабильности. Понимание сути этого кризиса для стран, разделяющих многополярное устройство мира — прежде всего государств БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), а также Беларуси, Ирана и ряда стран Латинской Америки, является вопросом стратегического выживания и поиска суверенных альтернатив развития в условиях разрушающейся западной гегемонии. Наблюдается кризис либеральной идеологии как ценностного базиса, который неизбежно влечет за собой коллапс либерального мирового порядка — институциональной надстройки.

Первостепенная деконструкция понятия «либеральная демократия», которая долгое время в западном дискурсе выступала в качестве естественной

и безальтернативной формы правления, позволяет провести сущностный анализ причин ее стагнации. Углубляясь в исторический контекст, считаем важным отметить, что в XIX веке либерализм и демократия часто находились в противоречии: либералы опасались «массовой политики», а демократы критиковали либерализм за элитаризм. Только в условиях холодной войны, во второй половине XX века эти понятия были искусственно объединены для идеологического противостояния коммунизму. И только после майских событий 1968 года во Франции произошла окончательная «канонизация» либеральной демократии как реакция элит на требования радикальной демократизации [5]. К моменту распада Советского Союза активно происходила «деконтестация» либеральной идеи — процесс, при котором альтернативные модели государственного устройства объявлялись нелегитимными или популистскими. Именно поэтому нынешний кризис является последовательным крахом искусственной идеологической монополии, более не способной маскировать свои внутренние противоречия.

Цель исследования — выявление системных причин деградации либеральной идеологии и основанного на ней миропорядка, обоснование неизбежности качественной трансформации современных демократий в условиях распада глобальных либеральных институтов. Для достижения цели исследования будет применена методология синергетики, позволяющая рассмотреть либеральный порядок как сложную открытую нелинейную систему. В настоящее время данная система не справляется с нарастающими флуктуациями и в режиме сверхбыстрого развития движется к точке бифуркации — критическому состоянию неустойчивости, за которым следует либо качественная трансформация, либо хаос и диссипативный распад [3, с. 117–128]. В рамках данного методо-

логического подхода оптимально разделить причины кризиса либерализма на внешние (геополитические и идеологические) и внутренние (экономические и политико-культурные).

Внешние причины кризиса обусловлены тем, что либеральная система, претендуя на универсальность и «конец истории», в последние десятилетия столкнулась с конкурентными факторами, демонстрирующими значительную жизнеспособность в условиях глобальной турбулентности. Прогнозы Ф. Фукуямы были опровергнуты реальностью: деидеологизированный вакуум стал постепенно заполняться моделями, которые Запад считал архаичными или маргинальными. Пример Китая, который стал драйвером глобального роста именно благодаря социализму с китайской спецификой, доказывает, что сочетание рыночных механизмов со строгим партийным контролем и стратегическим планированием может быть эффективным и устойчивым. Параллельно с этим Западный мир переживает ренессанс ультрационализма и «новых правых». Их критика либерального глобализма, идеи возвращения к поствестфальскому суверенитету и традиционным ценностям находят отклик у значительной части населения Европы и США. В свою очередь феномен радикального исламизма и способность религиозного фундаментализма мобилизовать массы и бросать вызов светским нормам объясняют появление зон хаоса на периферии либерального мира. Такие внешние флуктуации не просто дестабилизируют систему, но и формируют альтернативные полюса притяжения, что делает переход к многополярности необратимым.

Внутренние экономические причины эрозии либерального устройства обусловлены исчерпанием ресурса неолиберальной модели накопления капитала. Соответствующей точкой сингулярности можно считать финансовый

кризис 2008 года [2, с. 80]. Неолиберальная доктрина, которая агрессивно продвигала глобализацию и дерегулирование в качестве безальтернативных инструментов всеобщего благосостояния, привела к значительной энтропии в мировой социальной структуре. Вместо предполагаемого процветания произошла резкая экономическая поляризация и разложение среднего класса в наиболее развитых капиталистических странах. И. Валлерстайн, анализируя мир-системные циклы, пришел к выводу, что современная капиталистическая экономика находится в завершающей фазе системного хаоса, когда механизмы накопления капитала перестают поддерживать социальную стабильность и требуют радикальной перестройки всей архитектуры общества [1]. В этих условиях экономическая стагнация ограничила доступные ресурсы для обеспечения общественного договора, что подорвало доверие к неолиберальным правительствам.

Этот экономический тупик вступил в резонанс с глубоким институциональным кризисом внутри западных демократий, вызвав системный паралич. Либеральная модель, возводя суверенитет личности в абсолют, сталкивается с неразрешимым противоречием: необходимость эффективного государственного управления в критические моменты требует консолидации, тогда как либеральная догматика требует децентрализации и согласования всех интересов. Ярчайшим примером этого парадокса стала президентская кампания в США 2024 года — возвращение к власти Дональда Трампа и раскол в Демократической партии. В этой парадигме важным событием является и победа социалиста мусульманского вероисповедания на выборах мэра Нью-Йорка. Зохран Мамдани, вступив в идеологическую конфронтацию и с демократами, и с республиканцами, нашел широкое общественное одобрение [4]. Эти события продемонстрировали,

что либеральные институты больше не способны гасить внутренние конфликты, а электоральные процедуры преуспевают в усугублении внутреннего кризиса. Победа сил, открыто декларирующих антилиберальную повестку, свидетельствует о том, что система утратила внутреннюю когерентность, а значительная часть граждан отвергает политический консенсус, на котором держалась послевоенная демократия [6, с. 11].

Структурная слабость либеральной модели более наглядно проявилась в неспособности купировать эскалацию масштабных геополитических конфликтов, в частности — кризисы на Украине и в Палестине. Западная дипломатия, ограниченная идеологическими догмами и внутренними разногласиями, оказалась не в силах предложить эффективные механизмы дэскалации, что привело к эффекту «расширяющейся воронки хаоса». Внешние конфликты не находят консолидированного ответа, а инкорпорируются в структуру западных обществ, провоцируя дезорганизацию и милитаризацию политической жизни. Поляризация мнений по поводу внешней политики осложняет принятие внутривнутриполитических решений, делая систему ведомой и реактивной, а не управляющей. Исходя из теории синергетики, это можно объяснить следующим образом: в точках бифуркации избыточная сложность и отсутствие единого параметра порядка снижают выживаемость системы. Следовательно, эволюционное преимущество получают те модели, которые способны к снижению внутренней энтропии за счет усиления государственного суверенитета и приоритета коллективного блага над частным интересом.

Проблема миграции стала еще одним вопросом, который либеральная идеология не может описать и отрегулировать. Универсалистские лозунги о правах человека и открытых границах потеряли релевантность, когда массовый приток мигрантов начал

угрожать гомеостазу принимающих их обществ. Политика «открытых дверей», проводимая исходя из абстрактного гуманизма, обернулась ростом насилия, ксенофобии и анклавизации, что усилило позиции правых радикалов. Как отмечал И. Валлерстайн, демографический дисбаланс между Югом и Севером будет только нарастать, что ставит либеральные демократии перед выбором между саморазрушением и трансформацией в более жесткие, закрытые системы [2, с.150].

Однако кризис либерализма не ограничивается внутренней дисфункцией западных стран. Либеральный международный порядок (далее — ЛМП), был выстроен США после Второй мировой войны как механизм глобального управления. Западные страны, используя институты ЛМП (Всемирный банк, долларовая система МВФ), десятилетиями эксплуатировали периферийные страны, используя их ресурсы и подавляя развитие конкурентов [8]. Использование доллара в качестве геополитического оружия и систематическое введение односторонних санкций разрушили миф о нейтральности и благодетельном характере международных финансовых институтов, показав их сущность в качестве инструментов гегемонии.

На международном уровне системный кризис проявляется в изменении самой «физики» геополитического взаимодействия. К. Гонтжу, используя грамшианскую терминологию, описывает этот процесс как переход от «позиционной войны» как борьбы за гегемонию в рамках консенсусных правил к «маневренной войне» в виде открытого, динамичного конфликта [8]. Это запустило процессы самоорганизации в незападном мире: ускорилось создание альтернативных финансовых систем (например, китайская система CIPS) и формирование новых межгосударственных блоков и образований, таких как БРИКС и ШОС, которые раз-

рабатывают собственные протоколы взаимодействия, независимые от западного диктата. В этом контексте концепция «пассивной революции», описанная А. Грамши, перестает работать, ведь у «коллективного Запада» недостаточно ресурсов для кооптации развивающихся стран и навязывания им своей воли. Страны Глобального Юга выходят из-под сферы либерального контроля, превращаясь из объектов управления в субъекты новой полицентричной системы, что делает распад старого порядка необратимым.

Исходя из проблем либеральной системы, важно ответить на вопрос: как политическая материя самоорганизуется в ответ на неизбежный хаос? Наблюдаемая глобальная тенденция к укреплению вертикали власти является не случайной флуктуацией и не «историческим регрессом», как утверждают сторонники либеральной идеологии, а закономерный формированием новых систем. В синергетике сложные системы вдали от равновесия спонтанно структурируются, чтобы эффективнее рассеивать энергию и сохранять целостность. С нашей точки зрения, в политике такой новой структурой постепенно становится то, что Е. Вятр концептуализировал как «новый авторитаризм» или «недемократия» [2].

В отличие от классических диктатур XX века, этот феномен не отвергает демократические процедуры, но преобразует их функциональное назначение. Либеральная демократия с ее максимальной энтропией в виде множественности центров влияния, бесконечных сдержек и противовесов оказывается энергетически невыгодной в условиях кризисов. «Новый авторитаризм» снижает внутреннюю энтропию системы через ограниченную централизацию управления. Как отмечает Е. Вятр, суть этого режима заключается не в тотальном подавлении демократических институтов, а в создании единого правящего центра, который подчиняет себе

исполнительную власть, ликвидирует деструктивную оппозицию и устанавливает контроль над информационной политикой. Это позволяет государству действовать как единый организм, оперативно купируя угрозы, которые в либеральной модели вызвали бы паралич (как это было в пандемию COVID-19).

Социальной базой соответствующей трансформации становятся классы, утратившие чувство безопасности в глобализованном мире. «Авторитарный популизм» выражает защитную реакцию общества на размывание культурной идентичности и экономическую нестабильность, порожденную либерализмом. Таким образом, усиление государственного суверенитета и сужение пространства для стохастических политических процессов является эволюционным ответом на вызовы среды, попыткой системы вернуться в область устойчивости.

Считаем, что в ближайшие десятилетия развернется конкуренция между двумя сценариями устройства миропорядка. Один из них связан с актуализацией концепции «глобального апартеида» и выражается в стремлении Запада законсервировать свое доминирование через активное силовое и технологическое подавление периферии, создание закрытых техно-экономических блоков и отказ от собственных демократических принципов во внешней политике, переход от дипломатии к силовым методам. В рамках этого направления можно ожидать продолжение попыток усиления роли МВФ, ВТО, БМР и других организаций в качестве «мягкой силы» для решения нарастающих кризисов. Однако, исходя из структурного кризиса либерального порядка, трудно говорить о прогрессивности данных мер, не несущих в себе качественных преобразований.

В качестве альтернативы выступает сложная многополярность. В данный момент времени можем наблюдать начало формирования новой децен-

трализованной системы [7, с. 32–36], основанной на равноправном диалоге цивилизаций, где стабильность обеспечивается не гегемонией одного центра, а балансом интересов нескольких суверенных макрорегионов. Для реализации этого сценария интеллектуальным элитам незападного мира необходимо заняться тем, что И. Валлерстайн и Х. Бонин называют «утопистикой» или «воображением нового». Кризис либерализма для исследователей выражается в кризисе воображения: индивиды привыкли мыслить в категориях, навязанных западной политологией, где демократия может быть только либеральной. Х. Бонин справедливо отмечает, что для преодоления тупика необходимо восстановить множество демократических традиций и форм (например, экономическую демократию или прямые формы участия в политике), которые были вытеснены либеральной традицией. России и странам БРИКС предстоит не просто копировать западные институты или строить их антиподы, а выработать собственный понятийный аппарат и институциональную систему, исходя из их культурных кодов и вызовов времени.

Сущность вышеизложенного сводится к пониманию либерализма как теряющей актуальность идеологии и переживающего глубинный кризис мирового порядка. Либерализм, сыгравший историческую роль в демонтаже социальной иерархии традиционного общества, на современном этапе превратился в источник системной энтропии. Его экономическая модель порождает «неофеодальное» неравенство, а политическая догматика об абсолютном приоритете индивида блокирует способность обществ к коллективному самосохранению перед лицом пандемий, миграционных кризисов и военных угроз.

Синергетический подход показал, что мир переходит из фазы линейно-

го, детерминированного развития, в котором «конец истории» казался возможным, в фазу нелинейности и бифуркаций. В этом новом мире привычные внешние «стабилизаторы» в виде международного права, глобального рынка и институтов ООН перестают работать. Устойчивость системы теперь зависит от внутренних параметров порядка каждого отдельного государства.

Исторический вызов для России, Беларуси и стран БРИКС заключается в том, чтобы успешно пройти этот фазовый переход, проведя качественную трансформацию от «государств-объектов» в «государства-субъекты». Это требует осознанного отказа от иллюзий

«встраивания» в чужие институты и перехода к строительству собственных суверенных политико-экономических систем, способных эффективно отвечать на хаос внешней среды. «Новый авторитаризм», понимаемый как консолидация воли и ресурсов, является не реакционным возвращением в прошлое, а, возможно, единственно возможной формой адаптации к суровой реальности XXI века, где право на развитие и собственную историю нужно подтверждать реальной силой, технологической независимостью и интеллектуальной смелостью для преодоления идейных либеральных догматов.

Литература

1. *Валлерстайн И.* После либерализма / И. Валлерстайн; пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко. — М: Эдиториал УРСС, 2003. — 256 с.
2. *Вятр Е., Врублевская-Токер Т.И.* Кризис либеральной демократии в XXI в.: сравнительная перспектива // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. — 2019. — №.2 — С. 79–84.
3. *Михайловский В.С.* Неомарксизм. Синергетика. Классовая борьба / В. С. Михайловский. — Минск: Республиканский институт высшей школы, 2024. — 323 с.
4. *Boyle P., Andrewartha J.* Zohran Mamdani's win a beacon of hope for a better world // Green Left. — 2025. — №. 1442 — С. 9.
5. *Conway M.* The Crisis of Liberal Democracy / M. Conway, H. te Velde, A. Zevin, H. Bonin // Journal of Modern European History. — 2025. — Vol. 23, no. 4 — P. 392–428.
6. *Dag R.* Liberal Democracy Impasse in the Times of Crisis / R. Dag, O. Tufekci // JANUS. — 2025. — Vol. 16, no. 1 — P. 3–19.
7. *Global Trends 2025: A Transformed World / National Intelligence Council.* — Washington, DC: US Government Printing Office, 2008. — 120 p.
8. *Gontijo C.* Global Crisis and the Liberal International Order: Critical Nodes in a Totality / C. Gontijo. // International Studies Review. — 2025. — Vol. 27, iss. 3 — P. 1–20.